

Igor Khristoforov

«Мелкий собственник» — опора порядка? Освобождение крестьян, либеральная доктрина и социальный вопрос в России в первой половине XIX века

Avertissement

Le contenu de ce site relève de la législation française sur la propriété intellectuelle et est la propriété exclusive de l'éditeur.

Les œuvres figurant sur ce site peuvent être consultées et reproduites sur un support papier ou numérique sous réserve qu'elles soient strictement réservées à un usage soit personnel, soit scientifique ou pédagogique excluant toute exploitation commerciale. La reproduction devra obligatoirement mentionner l'éditeur, le nom de la revue, l'auteur et la référence du document.

Toute autre reproduction est interdite sauf accord préalable de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France.

revues.org

Revues.org est un portail de revues en sciences humaines et sociales développé par le Cléo, Centre pour l'édition électronique ouverte (CNRS, EHESS, UP, UAPV).

Référence électronique

Igor Khristoforov, « «Мелкий собственник» — опора порядка? Освобождение крестьян, либеральная доктрина и социальный вопрос в России в первой половине XIX века », *ILCEA* [En ligne], 17 | 2013, mis en ligne le 31 janvier 2013, consulté le 30 novembre 2013. URL : <http://ilcea.revues.org/1782>

Éditeur : ELLUG

<http://ilcea.revues.org>

<http://www.revues.org>

Document accessible en ligne sur :

<http://ilcea.revues.org/1782>

Document généré automatiquement le 30 novembre 2013.

© ILCEA

Igor Khristoforov

«Мелкий собственник» — опора порядка? Освобождение крестьян, либеральная доктрина и социальный вопрос в России в первой половине XIX века

- 1 В обширной историографии «крестьянского вопроса» в России конца XVIII — первой половины XIX века до сих пор очень слабо изучены представления образованного общества о социальном облике крестьянства *после* эмансипации. Каким мыслился идеальный «свободный» крестьянин? Какие образы и стереотипы были типичны для общественных и бюрократических дискуссий на эту тему? Какие идеологические доктрины формировали восприятие «мужика» в кругах сторонников отмены или «урегулирования» крепостного права? Ответов в литературе мы не найдем. В результате сами дискуссии тех лет утрачивают в наших глазах конкретность и предстают порой в виде отвлеченных философских рассуждений о том, что «свобода лучше несвободы». Стандартные для исторических исследований характеристики «позиции» того или иного государственного деятеля, писателя или публициста по крестьянскому вопросу («горячий противник крепостного права», «закоренелый крепостник» и т.п.) совершенно не способны отразить всей сложности этого вопроса и дискуссий вокруг него. Между тем, в том, каким виделся образованной элите объект их тревог и забот — «народ» — проступали не только черты будущей реформы, но и многие другие, на первый взгляд, далекие от нее сюжеты. Изучая эту проблему, можно, например, глубже понять единство русской и европейской мысли, или зависимость правительственной политики от общественного мнения даже в самые «реакционные» времена. Данная статья, не претендуя на всестороннее освещение крестьянской «темы» в общественной мысли и правительственной политике первой половины XIX века, имеет целью связать восприятие образованным обществом проблем крестьянства с более общими тенденциями в развитии европейской общественной мысли. В центре статьи — становление образа крестьян как носителей исторических традиций и ценностей и «открытие» «уникальности» русской общины.
- 2 Культура Просвещения породила два противоречивых подхода в отношении к земледельческому сословию. Один из них, предельно рационалистический, основывалась на видении земледельца как универсального homo oeconomicus. Само понятие «крестьянин» становилось при этом чем-то вроде фикции, ярлыка, который маскирует «нормального» субъекта «естественных» экономических отношений, основанных на индивидуализме. Именно такой взгляд лег в основу классической экономической доктрины, родоначальником которой принято считать Адама Смита. Но «естественность» могла пониматься и буквально — как близость к природе, «неиспорченность» культурой и цивилизацией. При таком подходе идеализированный крестьянин предстал обитателем Эдема — самодостаточным и нуждающимся отнюдь не в просвещении и благодетельном руководстве, а главным образом в том, чтобы его предоставили самому себе (или даже более — он оказывался потенциальным «учителем» элиты, носителем недоступных ей цельности и морали).
- 3 Как показали в своих недавних работах Джон Шовлин и Эми Уайнгард, во Франции вторая половина XVIII века была периодом расцвета «агромании». Деревня, сельский быт и сельское хозяйство, в противоположность городу, роскоши и торговле, стали восприниматься как сфера, благоприятствующая развитию гражданских добродетелей. Позитивной фигурой становился в этом контексте трудолюбивый и бережливый сельский хозяин, причем в этой роли мог оказаться и дворянин, и представитель

третьего сословия¹. Совершенно по новому французское образованное общество стало воспринимать и крестьянина. По словам Уайнгард, «в то время как в XVII веке крестьянин изображался как “другой”, которого принято было осмеивать или избегать, в XVIII-м он стал объектом подражания, восхищения и зависти образованной публики²». В основе этого, по терминологии Уайнгард, «изобретения крестьянина как гражданина» лежали глубокие перемены в представлениях французов о социальной иерархии, «переходе от аристократических социальных образцов к объединяющим идеологиям общности, равенства и гражданских добродетелей». Однако лишь к концу XVIII века идеализированные землепашец и землевладелец стали приобретать реальный социальный облик. В результате накануне революции общество «открыло», что крестьяне по большей части бедны и невежественны³.

4 Не менее сложные процессы, как явствует из исследований Дж. Галиардо, Энтони Лау, Эндрю Мак-Рэя и др., проходили в XVII – начале XIX в. в Англии (откуда на континент и пришла мода на агрономию) и Германии. В Британии идеализация «естественности» сельской жизни в XVII веке была основой «радикальных призывов к перераспределению имущества», а в следующем столетии уже оказалась «прирученной» правящей элитой, воспринимаясь прежде всего в контексте позитивной общественной роли «сельского джентльмена»⁴. Стремительно исчезающего из английского социального пейзажа крестьянина окончательно сменил в роли носителя природных добродетелей *noble savage* - обитатель миров, куда цивилизация еще не ступила (*bon sauvage* Ж.-Ж. Руссо)⁵.

5 В Германии конца XVIII – начала XIX в. к образу патриархального крестьянина добавились несвойственные британским и французским просветителям оттенки: в результате отождествления «народного» и «национального» (франц. *populaire* и *national*) крестьянин становился здесь олицетворением германской нации и одновременно представителем одного из исторических социальных сословий, устоем консервативных традиций и порядка. Могло ли это сугубо консервативное видение быть вписано в идеологию реформ? Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к тому, как американский историк Дж. Галиардо трактует разницу в подходах к «крестьянскому вопросу» знаменитого идеолога раннего немецкого национализма и писателя Эрнста Морица Арндта и не менее известного государственного деятеля, автора крестьянской реформы начала XIX в. в Пруссии бар. Генриха фон Штейна:

Отстаивая взгляд, что крестьянин является важнейшим столпом германской нации, Арндт фактически переворачивал формулу Штейна о том, что тот должен «созреть» до уровня высших сословий, и предлагал учить всю нацию крестьянским моральным принципам. Штейн считал, что крестьянину еще только предстоит обрести достаточную зрелость для участия в политической жизни; Арндт, напротив, видел в крестьянстве едва ли не единственный общественный класс с безупречной нравственностью, которую можно легко превратить в политическую мудрость. С практической точки зрения, разница во взглядах между ними была невелика, поскольку они отстаивали одни и те же реформы. Но именно Арндт, а не Штейн сделал огромный вклад в формирование особого образа крестьянина как человека, чьи исключительные социальные качества возносили его над остальными⁶.

6 Итак, в начале XIX в. и Арндт, и Штейн были сторонниками реформ и не слишком расходились в видении методов их проведения, зато совершенно по-разному воспринимали главный объект этих реформ — прусского крестьянина. Символично, что сблизил их в Петербурге в 1812 г., где оба в поисках поддержки в борьбе с Наполеоном завели прочные связи в среде русских сановников и интеллектуалов⁷. Показательно также, что носителем прагматичного взгляда на крестьян как на *объект* воспитательного воздействия оказывался бюрократ, тогда как писатель и поэт готов был объявить самого себя учеником умудренных опытом веков земледельцев (конечно, эти различия во взглядах не помешали сановнику и писателю заключить временный политический альянс).

7 Таким образом, к началу XIX в. в европейской общественной мысли существовал целый спектр идей по поводу крестьянства и его «миссии» в стремительно менявшемся

мире. В основе этих идей лежала одна общая черта: крестьяне, как признавалось, символизировали в этом мире начало стабильности, неподвижности. В зависимости от взгляда, эта черта могла быть расшифрована и как подлежащий исправлению недостаток, и как достоинство. Скажем, неподатливость крестьян на перемены, их приверженность к «суевериям» (на рационалистическом языке) могла трактоваться как верность (национальным) традициям, их хроническая бедность — как проявление иммунитета к духу наживы, и т.д.

8 Пока в литературе, искусстве и публицистике господствовала романтическая мода, правительственная политика в деревне и в Европе, и в России до поры до времени определялась иными, рационалистическими приоритетами. Стержнем ее было «просвещение» неполноправных и отсталых «мужиков». При этом, по безраздельно господствовавшему с середины XVIII в. убеждению, рационализация хозяйства, быта и поведения крестьян была неразрывно связана с развитием в их среде индивидуальной (частной) собственности. Для зависимых крестьян переходным этапом на пути к обладанию такой собственностью оказывалось постоянное (наследственное) владение (или хотя бы пользование). Предпосылкой к появлению самостоятельных и стабильных крестьянских хозяйств считалось урегулирование, регламентация отношений крестьян с дворянами-землевладельцами (именно такая регламентация легла в основу крестьянских реформ в германских государствах; во Франции она сделалась ненужной в ходе революции). Позже, в первой половине XIX в., когда бывшая власть землевладельцев осталась в области воспоминаний, зато выяснилось, что эмансипация, уничтожая старые социальные проблемы, создает новые (связанные с пауперизацией и обезземеливанием крестьянства), угрозу устойчивости крестьянской экономике стали усматривать в «свободном рынке». Впрочем, конфликт между свободой и стабильностью начал осознаваться еще в XVIII в., и уже тогда приоритет, как считает Галиардо, отдавался стабильности (а значит опеке)⁸.

9 Идею о том, что крестьянское землевладение должно быть индивидуализировано и «надежно защищено» от посягательств извне разделяли и консервативные немецкие камералисты типа И.Г.Г. фон Юсти и Юстуса Мёзера, и либеральные французские физиократы типа Э. Кене и П.П. Мерсье де ла Ривьера. Для учения последних, впрочем, был характерен более резко выраженный индивидуализм. Под влиянием камералистских и физиократических доктрин находилась и императрица Екатерина II, при которой в России впервые был поднят «крестьянский вопрос». Императрица определила в своем «Наказе» и стратегическое направление преобразований применительно к сельскому хозяйству: «Не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного» (статья 295). Помимо прочего, такой подход предполагал, что наследственное и индивидуальное крестьянское землепользование более эффективно по сравнению с общинным. По формулировке императрицы, «всякий человек имеет более попечения о своем собственном и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет» (статья 296). В России под «другим» применительно к крестьянам мог подразумеваться не только помещик, но и «мирская власть» (а гораздо позже, как и в Европе, «другим» стала рыночная стихия в лице «кулаков» и «ростовщиков»).

10 Впрочем, во времена Екатерины ни о каких «антиобщинных» правительственных мерах не было и речи⁹. При всей назойливости либертарианской риторики власти, она благополучно игнорировала проблемы и само существование реальных крестьян. По меткому выражению А.Э. Керимова, в межевых документах того времени крестьяне присутствуют «в качестве своеобразного “природного ресурса”, такого же, как лес, пашня и луга¹⁰». В этом отношении, при всей схожести (точнее, даже единстве) идеологии «просвещенного абсолютизма», Российская империя радикально отличалась от германских государств, где к концу века уже были детально разработаны многие моральные, правовые и сугубо технические аспекты аграрных реформ.

11 Положение в сфере разработки аграрных реформ изменилось в начале следующего, XIX-го века. Так, по дополнительным правилам к известному закону 1803 г.

о свободных хлебопашцах, помещик обязан был наделить отдельным участком каждого крестьянина, с выдачей подписанного уездным землемером плана¹¹. Таким образом государство с помощью нормирования и стандартизации пыталось создать уже не мифических «просвещенных земледельцев», а более конкретный социальный тип — рационализированных фермеров по британскому образцу. Примечательно, что и в Германии в это время под влиянием доктрины Адама Смита теория «воспитания» образцовых крестьян сменилась теорией их «самовоспитания» (посредством «облагораживающего» владения собственностью)¹². На это же время пришелся и пик моды на британские методы ведения хозяйства в среде крупных помещиков-англоманов, выписывавших в Россию из Альбиона не только семена и сельскохозяйственные орудия, но и самих фермеров во плоти¹³. Не вызывает сомнений сугубо интеллектуальный характер этой моды, оказавшейся недолговечной по причине экономической несостоятельности столь прямолинейных заимствований. В России достаточно поверхностной оказалась и она, и мода на британскую политическую экономию, в том числе на идеи Адама Смита. Лишь молодой М.М. Сперанский пытался до своей ссылки претворить их в жизнь¹⁴.

12 Гораздо ближе к реалиям российского «просвещенного абсолютизма» была германская камералистская традиция¹⁵. В среде российских сановников того времени ближе всех к этому взгляду на экономику был знаменитый министр финансов Егор Францевич (Георг фон) Канкрин. По своим взглядам Канкрин серьезно отличался от Сперанского и его единомышленников: он настаивал на необходимости подчинения частной собственности государственным интересам и на приоритете исторически данных институтов перед универсальными. Так, признавая в духе эпохи негативное влияние общины на производительность сельского хозяйства, Канкрин в то же время оговаривал, что в результате существования общины «возникает чрезвычайное преимущество, состоящее в том, что нет безземельных поденщиков и пролетариев, собственно нет и бедных¹⁶».

13 С другой стороны, вернувшийся в 1821 г. в столицу Сперанский, придя к выводу, что социально-политические перемены должны быть медленными, эволюционными, также соглашался, что «вдруг переменить» привычный для крестьян способ землепользования «опасно и несправедливо¹⁷». С другой стороны, не только для Сперанского, но и для многих сановников его поколения была характерна унаследованная от эпохи камерализма и идеологии *Polizeistaat* вера, что администрация *в принципе* в состоянии выполнить любые рационально сформулированные социальные и экономические задачи, если дать ей нужные время и ресурсы. Иначе говоря, для правительства нет непосильных или несвойственных ему дел¹⁸. Достаточно сравнить это убеждение с взглядом столь почитаемого Сперанским Адама Смита, например, на поземельный кадастр, который являлся необходимым условием появления мелкой крестьянской собственности. Полагая, что для его осуществления нужно «постоянное наблюдение со стороны правительства», британский экономист все же считал, что «наблюдение это до такой степени не согласно с природою правительства, что, без сомнения, оно не может продолжаться долго¹⁹». В восприятии же русской бюрократии функции государства далеко превосходили полномочия «ночного сторожа».

14 Этот глубокий этатизм мышления русской правящей элиты определял предельно рационалистическое отношение многих ее представителей к крестьянам. Сперанский и Канкрин, как и еще один крупнейший государственный деятель николаевского царствования, первый министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев, могли расходиться в оценке того, каким образом и насколько решительно следует прививать крестьянам «зрелость», но были абсолютно чужды приписыванию им какой-то особой причастности к историческим ценностям и национальным традициям. Педалирование в крестьянской теме «национальных» нот было поначалу чуждо и новому, еще более прагматичному поколению «либеральных бюрократов», поколению А.П. Заблоцкого и Н.А. Милютина.

- 15 Конечно, в рассуждениях Киселева и особенно Канкринна периодически возникал мотив «у нас не (должно быть) так, как у них». Однако мотивировки этого реального или должного несходства российских и иностранных порядков тоже были глубоко прагматичными. Так, исчезновение общины, как считалось, чревато появлением пролетариата, а не, скажем, разрушением национального духа или традиций. Можно привести множество примеров того, что в николаевское царствование, порой считающееся чуть ли не периодом расцвета «официального национализма», министерские департаменты тратили массу сил и средств на попытки привить в России, как сказали бы позже, «чуждые ей западные традиции и институты». Так, говоря о необходимости развития «значительного сословия фермеров», чиновники не только не смущались ссылками на опыт Англии или Германии, но делали этот опыт исходным пунктом в своих рассуждениях. Главным препятствием к введению в России «рационального земледелия» действительно считались крестьянские обычаи и «вековые привычки», однако они оценивались негативно, как симптом косности и невежества крестьян²⁰.
- 16 Ярким проявлением подобного «бюрократического космополитизма» стала идея о перенесении в русские деревни порядков, существовавших в колониях немцев-меннонитов в Екатеринославской губернии. Идея эта родилась после того, как директор департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ Е.Ф. фон Брадке в 1840 г. посетил эти колонии с инспекцией и «убедился в превосходстве их хозяйства», после чего меннонитам объявили (характерный штрих!) «высочайшее благоволение». Вскоре была создана комиссия для изучения быта колонистов. Служащих министерства, конечно, привлек тот факт, что земельные участки были у них гораздо крупнее (65 десятин) и ухоженнее, чем в русских деревнях, и это несмотря на демографический рост и отсутствие дополнительных наделов. Оказалось, что доступ к земле имели не все колонисты, а только так называемые «полные хозяева», участки которых считались их неделимым наследственным владением (формально земля продолжала оставаться в собственности казны). Остальные же меннониты были на положении батраков, работавших у хозяев по найму²¹. Эта социальная структура до такой степени соответствовала распространенному в то время идеалу, что чиновников не смутило даже то обстоятельство, что стабильность хозяйства колоний поддерживалась внеэкономическими причинами: религиозной сплоченностью и замкнутостью от внешнего мира, типичными для любой секты. Скорее даже наоборот, именно эта замкнутость и создала у них иллюзию возможности выращивания такого же оранжерейного цветка в русских казенных деревнях. О чуждости радикальной протестантской этики традициям русского крестьянства при этом не было и помину.
- 17 Между тем пока в департаментских канцеляриях изобретали способы сделать из русских крестьян фермеров, в Россию пришла новая эпоха, эпоха «национальных традиций» и «исторических ценностей». Как и в Германии, она оказалась неразрывно связана с открытием «уникальности» русского крестьянина. В отличие от Германии, был обнаружен и социальный институт, олицетворявший эту уникальность. Им, разумеется, оказался «мир» — крестьянская община.
- 18 Конечно, община была знакома и каждому великорусскому помещику, хоть немного интересовавшемуся своим хозяйством, и государственным чиновникам в центре и на местах. В открытии нуждалась не она сама, а ее историческая, политическая и социальная «миссия». Кто же стал Колумбом крестьянской общины? В числе кандидатов на роль первооткрывателя в историографии традиционно фигурируют славянофил А.С. Хомяков, западник А.И. Герцен, поляк Иоахим Лелевель и немец Август фон Гакстаузен.
- 19 Но кто бы ни был первым, в истории идей не менее, чем в географии важно, чтобы умы настроились на поиск, а для этого должен сформироваться идеологический контекст, в котором открытие обретало бы смысл. В самом общем смысле этот контекст, на мой взгляд, точно определил Фредерик Старр, сравнивая знаменитое сочинение барона Гакстаузена *Исследование народной жизни и сельских учреждений России и*

Демократию в Америке француза Алексиса де Токвиля. По мнению американского историка, оба политических мыслителя, анализируя реалии чужих для них стран, пытались «понять, какие силы на их глазах меняли европейское общество, изучить проблемы, вызванные этим процессом перемен и оценить ту роль, какую в новой реальности могли бы сыграть традиционные обычаи и институты²²». Контекст, таким образом, задавался поиском устойчивости перед лицом стремительного процесса модернизации. В России того времени перемены были скорее предчувствием, чем реальностью, точнее сказать — они пока еще локализовались во внешнем мире, в Европе, что делало тот же поиск, возможно, более отвлеченным, но не менее насыщенным.

20 В николаевскую эпоху в поиск «национально-исторических корней» были активно вовлечены и власть, и интеллектуальная элита. Наиболее известным официальным его итогом стала уваровская формула «Православие, самодержавие, народность». В современной историографии показано, что министр просвещения гр. С.С. Уваров, как и вообще русское образованное общество того времени, не просто чутко реагировал на европейский (прежде всего франко-германский) интеллектуальный контекст, а, так сказать, жил в нем и был одним из его создателей²³. Но еще важнее для моего исследования то обстоятельство, что важнейший из элементов триады, «народность», определялся им достаточно расплывчато, так что оставалось не очень ясным, какие же именно традиции (помимо православного вероисповедания и преданности царю) олицетворяются народом²⁴. Подобная же неопределенность относительно того, каким должен быть «идеальный» крестьянин (динамичным и предприимчивым фермером, привязанным к земле владельцем скромной парцеллы, или погруженным в коллектив членом общины) царил во второй четверти века и в аграрной политике.

21 А.Л. Зорин, а вслед за ним и А.И. Миллер считают неопределенность содержания элементов формулы едва ли не намеренной чертой, определявшей тем, что политический миф должен не объяснять, а мобилизовывать. Неопределенность же понятия «народ» связывается с множественностью его смыслов: французское *populaire* отсылало к фольклорному крестьянину, *nationalité* — к революционному понятию «нация», а немецкое *nationalität* — к романтической нации, в основе которой виделось единство языка и культуры²⁵. Может быть, и так, но не менее важно подчеркнуть переходный характер как уваровской доктрины, так и социальной политики николаевского царствования. Создание национального мифа имеет ведь не только интеллектуальную, но и социальную сторону. Бесполезно было бы пытаться мобилизовать англичан викторианской эпохи под лозунгами соборности и коллективизма. Важным элементом немецкого национального мифа стал не абстрактный крестьянин, а обладающая совершенно определенными социальными чертами фигура — крепкий хозяин, *Grossbauer*. Именно ее пытались отыскать в реальности или создать многочисленные немецкие публицисты и государственные деятели. Между тем, в России в николаевскую эпоху существовало несколько конкурирующих образов крестьянина, которые никак не желали склеиваться в один портрет. И когда существенно позже такая «склейка» все же произошла, у понятий «народность» и «народ» появилось вполне конкретное содержание, и до поры до времени никто ни в правительстве, ни в обществе уже не сомневался, что «русский крестьянин» и «община» — такие же неразделимые понятия, как «немецкий крестьянин» и «крепкое индивидуальное хозяйство» (и никто не жаловался, что крестьянин-общинник — слишком конкретный образ, негодный для национальной мифологии). В 1830-1840-е гг. этот процесс «социальной идентификации» земледельцев только начинался.

22 Неудивительно, что и за пределами официального и официозного мира, скажем, в ранних текстах славянофилов, ключевое понятие «народ» явно нуждалось в наполнении конкретными социальными чертами. Чем русский крестьянин отличается от немецкого? Если бы общины не существовало, ее, по известной поговорке, следовало бы придумать. Поскольку же она существовала, достаточно было лишь разглядеть в ней нужные наблюдателю черты. Символично однако, что эта миссия была выполнена при непосредственном участии вестфальского немца.

- 23 Барон Август фон Гакстгаузен не был ни первым, ни самым глубоким автором, обратившимся к общине. Однако он, несомненно, был первым, кто привлек к ней внимание европейской мысли, и уже таким образом, через странный идейный «резкспорт» — русской читающей публики и самого правительства.
- 24 Аристократ по происхождению, романтик и антирационалист по взглядам, Гакстгаузен провел много лет в исследованиях поземельных отношений в Пруссии. В своих записках и меморандумах он отстаивал необходимость опоры на «исторические традиции» (прежде всего на патриархальный союз дворянства и крестьян) и сокращения роли бюрократии в регулировании местной жизни. Однако столкнувшись с противодействием и местных чиновников, и набиравших силу либералов, и прусских националистов, Гакстгаузен вынужден был оставить службу. Именно в этот момент он получил возможность продолжить изучение сельской жизни уже в другой стране. Благодаря содействию русского посла в Берлине бар. П.К. Мейендорфа, считавшего себя знатоком аграрных проблем, и П.Д. Киселева Гакстгаузен смог совершить в 1843 г. полугодовой тур по России. Это путешествие было профинансировано правительством, которое руководствовалось желанием подправить имидж страны в Европе, сильно испорченный публикацией скандальной книги маркиза де Кюстина.
- 25 В самом начале своего путешествия, будучи в Москве, барон встречался с завсегдатаями местных интеллектуальных салонов, в том числе славянофилами, и смог поделиться с ними своими мыслями о значении русской крестьянской общины в настоящем и прошлом. Важно подчеркнуть, что свой ставший позже знаменитым взгляд на общину он сформулировал еще до серьезного знакомства со страной. Об этом можно судить по дневнику А.И. Герцена. 13 мая 1843 г. тот записал:
- Я имел случай говорить с Якстгаузенюм; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать сообразно требованиям времени...²⁶
- 26 После окончания путешествия Гакстгаузен вернулся в Германию. Больше двух лет ушло у него на обработку материалов и подготовку первых двух томов «Исследования». За счет русского правительства немецкое издание (1847) было быстро (и не очень качественно) переведено на французский. К удовлетворению Петербурга, сочинение получило в Европе широчайший резонанс и массу позитивных откликов. Спустя несколько лет Гакстгаузен выпустил и третий том (в отличие от первых двух, он был структурирован уже не в форме путевого дневника, а тематически).
- 27 Ф. Старр обоснованно указывал, что хотя основной посыл труда был глубоко консервативным (учитывая, кто был его автором, иначе и быть не могло), однако в Европе (как позже и в России) его приветствовали как консерваторы, так и левые: «Гакстгаузен воспринимался как первооткрыватель России, и хорошая весть, которую он принес в Европу, состояла в том, что традиционные русские институты были коммунистическими.» Таким образом, многие почувствовали, что коммуитаристский идеал, дискредитированный в ходе революций 1848 г. на улицах Парижа, Берлина и Вены, «живет и здравствует на восточных рубежах Европы²⁷». Надо сказать, что Гакстгаузен давал повод для таких интерпретаций. Нарисованная им картина русской общины хотя и не карикатурна, но насковзь мифологична. Гакстгаузен — прежде всего романтик, и построения его основаны на контрасте между рацией и чувством. Так, он резко противопоставляет восприятие самой общины элитой и крестьянами. Если для русской образованной публики это не более чем механическое соединение людей, живущих в одном месте, или административная единица, то для крестьян «мир» — это одновременно «община» и «вселенная», что, по мнению Гакстгаузена, лучше всего передается греческим словом «космос». Как и в греческой мифологии, основной чертой русского космоса является его иерархичность. Община — продолжение семьи, а ее собственным продолжением является самодержавная власть. И глава крестьянской семьи, и деревенский староста, и царь оказываются инвариантами древней фигуры *Pater familias*.

28 Впрочем, мифология у Гакстгаузена была неотделима от истории и социологии. Семья, община и государство — не метафорически, а вполне реально едины. Государство на Руси тоже образовалось путем «почкования» общин, а городов в европейском смысле не существовало. Будучи кочевым по происхождению народом, русский «мало привязан к обрабатываемой земле. Истинное его существование — бродить по дорогам и проселкам... В родной деревне он привязан лишь к своей семье, к соседям, к общине, — к людям, но не земле²⁸». Поэтому русским (не только крестьянам) чужды индивидуализм и понятие о частной собственности. В соответствии с тремя «уровнями» проявления общинного начала — семьей, миром и государством — существует и три уровня владения, но первые два — лишь условное пользование, и только царь как олицетворение нации владеет собственностью полной и абсолютной — всей страной (позже мы обнаружим эту мысль и у славянофилов).

29 Эмблемой и основой всего этого фантастического устройства представляла именно крестьянская община. В недавней статье Трейси Деннисон и Андре Кейруса скрупулезно анализируется, насколько нарисованная Гакстгаузенем картина соответствовала действительности. Авторы выделяют семь ключевых черт общины в изображении немецкого путешественника и, сопоставляя их с реальными общинами в Ярославской губ. (как они предстают по документам вотчинных архивов), приходят к выводу, что идеал не имел ничего общего с реальностью²⁹. Эта «проверка мифа фактами» очень интересна, но в высшей степени избыточна. Миссия Гакстгаузена едва ли сводилась кем бы то ни было, включая его самого, к точному воспроизведению реальности.

30 Характерно однако, что при всем своем восхищении русской общиной, Гакстгаузен ни минуты не сомневался в превосходстве над ней хозяйства немецких меннонитских колоний и выражал надежду, что их опыт будет востребован русскими³⁰. Соответственно, он признавал, что общинное пользование препятствует развитию агрокультуры, но несмотря на это видел в нем неоспоримые выгоды:

Все западноевропейские нации страдают от пока неизлечимого зла, грозящего их уничтожить: пауперизации или «пролетаризации». Россия, защищенная своей общинной организацией, благополучно сего зла избегает. У каждого русского есть дом и своя доля в общинной земле... В России нет *толты*, есть только *народ*. И так будет до тех пор, пока новые, чужеродные институты не создадут лишнюю собственности толпу — впрочем, бояться этого, надеюсь, больше не стоит³¹.

31 Стоит заметить, что несмотря на свое стремление отыскивать социальную гармонию в *настоящем*, Гакстгаузен был убежденным сторонником отмены крепостного права. Его представления о «правильной» крестьянской реформе, естественно, сформировались под влиянием германского опыта. Еще до приезда в Россию он изложил их в письме П.Д. Киселеву:

В Пруссии во многих случаях права помещиков были принесены в жертву мнимому благосостоянию крестьян... В Вестфалии осмотнительное законодательство, по-видимому, избежало всех затруднений... Там крестьяне оставались крепостными дольше, чем во всех других прусских провинциях, - но они были прикреплены к земле столько же силою закона, как и собственными интересами. Закон, даровавший им, наконец, личную свободу, нисколько не изменил их положения и прежних патриархальных отношений к помещикам. Какая противоположность между благополучным состоянием крестьян и печальным положением землевладельцев в Померании, области некогда шведской, где крепостное право было уничтожено в 1806 г. одним росчерком пера! свободные лично, не привязанные к земле никакими узами интересов, они влачат жизнь бедственную! Из почетных земледельцев, какими они были, они обратились в бродячих поденщиков!³²

32 Фактически, очерченная в этой цитате консервативная парадигма восприятия «крестьянского вопроса» будет господствовать в России на протяжении более чем полувека (с относительным и недолгим перерывом конца 1850-середины 1870-х гг.). Конечно, мысли об опасности предоставить крестьян самим себе, о сохранении над ними патерналистской опеки, о необходимости положить в основу крестьянской реформы «историческое прошлое», в первую очередь — связь крестьян с землей звучали и до Гакстгаузена в публицистике и в правительственных кругах. Но, думается, именно

ему удалось сформулировать их предельно четко, и — главное! — неразрывно связать с крестьянской общиной. Влияние «творческих находок» Гакстгаузена на бюрократическую и общественную мысль России, несомненно, усиливалось и тем фактом, что его устами как бы говорила «просвещенная Европа».

33 Консерватор Гакстгаузен в чем-то поразительно напоминает социалиста Герцена, хотя последний, несомненно, понимал особенности общины гораздо глубже. По самому характеру своего мышления и жизненного опыта русский философ был чужд свойственному немцу мировоззренческому «монизму». Община для него — не символ единства и целостности нации, а средоточие противоречий, даже фундаментальных антиномий, присущих русскому народу и русской истории. Она — осколок варварского прошлого, символ забитости и подчиненности в настоящем и одновременно залог будущего, одно из проявлений рабства и несвободы — и при этом единственный социальный институт, который хоть как-то «укрывает» народ от развращающего внешнего гнета.

34 Следует отметить, что в историографии существуют совершенно различные мнения по поводу «преemptивности идей», связанных с восприятием крестьянской общины как уникального русского (в другом варианте – славянского) явления. Точка зрения Деннисон, что творцом «общинного мифа» был Гакстгаузен, была распространена уже в XIX в. Противоположный взгляд сформулирован, в частности, Н.М. Дружининым, по мнению которого, немецкий барон развил свою теорию под влиянием славянофилов, с которыми встречался в Москве весной и осенью 1843 г., то есть в начале и в конце своего путешествия. Кроме того, считал советский историк, уже подготовленный славянофилами Гакстгаузен как внимательный исследователь обнаружил общину и в реальности, так что его наблюдения «не потеряли своего научного значения» даже в XX в., и неудивительно, что на них, независимо от реакционных выводов барона, активно ссылались Герцен, Чернышевский и другие революционеры-демократы³³.

35 На мой взгляд, в романтической утопии Гакстгаузена очень сложно отделить «факты» от «выводов». Впрочем, то же самое можно сказать и про славянофильские идеи, и про «русский социализм» Герцена. Как уже отмечалось, Гакстгаузен приехал в Россию с уже сложившимся убеждением, что именно община является центральным элементом русского *Sonderweg* (особого пути). Почерпнуть это убеждение у славянофилов он никак не мог, поскольку по-русски не читал, да и читать, в общем, было еще нечего: славянофилы получили возможность развернуто излагать свое видение роли общины уже после 1843 г., в основном в 1850-х гг., в ходе известной полемики о древности общины, о ее оценке с точки зрения западной политэкономии и о том, какую роль она должна сыграть в крестьянской реформе³⁴. Те упоминания общины, какие можно встретить в славянофильских текстах 1839-1842 гг., имели предельно общий, скорее историософский, чем социально-экономический характер, и относились не столько к конкретному институту — крестьянской передельной общине, сколько к «общинному духу», который, как они считали, был издревле характерен для русского народа (отнюдь не только для крестьян)³⁵. Гакстгаузен же, который был специалистом по «крестьянскому вопросу», больше интересовали конкретные детали: системы хозяйства и землепользования, особенности наследования и т.п.

36 С другой стороны, нет никаких оснований считать, что Гакстгаузен «открыл глаза» славянофилам на их собственную страну и ее историю: нескольких салонных бесед для этого было бы явно недостаточно. Скорее можно сказать, что в позиции авторитетного путешественника члены славянофильского кружка нашли весомое подкрепление своим собственным мыслям. Сам же Гакстгаузен, возможно, вдохновлялся работами немецких историков, изучавших германскую общину (марку). Первые такого рода работы появились еще в 1830-1840-е гг.³⁶.

37 Не вполне ясным остается также генезис концепции «русского социализма» Герцена и в ее связи с работой Гакстгаузена и со славянофильством. Дело в том, что Герцен стал, по-видимому, первым представителем левого лагеря русской общественной мысли, увидевшим в общине главный элемент будущего социалистического строя. в этом

смысле, по мнению известного историка общественной мысли Анджея Валицкого, Герцена «можно считать естественным связующим звеном между славянофилами и западниками 1840-х и народниками 1860-1870-х гг.³⁷».

38 В доэмигрантский период Герцен был настроен к общине скорее скептически.

Наши славянофилы все толкуют об общинном начале, о том, что у нас нет пролетариев, о разделе полей, — записал он в дневнике в том же 1843 г. — все это хорошие зародыши, и долею они основаны на неразвитости; так, у бедуинов право собственности не имеет эгоистического характера европейского; но они забывают отсутствие всякого уважения к себе, глупую выносливость всяких притеснений... Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса — не его полоса, когда даже его жена, дочь и сын — не его. Какая собственность у раба? Он хуже пролетария, он — *res*...³⁸

Однако после 1848 г. в его суждениях на эту тему появляется отчетливое стремление сделать общину ключевым элементом той утопической конструкции, которая обычно характеризуется как «русский социализм³⁹». Впрочем, это был не столько пересмотр прежних взглядов, сколько смена акцентов, целенаправленная попытка преодолеть пессимизм и разглядеть в общине те черты, которые прежде казались не столь важными. Антиномичное ее восприятие при этом никуда не делось: «Община — это детище земли — усыпляет человека, присваивает его независимость, но она не в силах ни защитить себя от произвола, ни освободить своих людей; чтобы уцелеть, она должна пройти через революцию⁴⁰». Таким образом, совершенно очевидно, что генезис «русского социализма» был более глубоким и длительным процессом, и никак нельзя сводить его к «драме 1848-го года».

39 «Генеалогия идей» — тема сложная. Конечно, Герцену не было нужды копировать идеи Гакстгаузена, труд которого он называл «неистово-реакционным⁴¹». Его мысль, повторю, гораздо интереснее и глубже. Однако именно работа Гакстгаузена создала в 1850-х гг. контекст, в который *volens nolens* должны были вписывать свои рассуждения русские публицисты (в особенности, если они адресовались Европе)⁴².

40 Другим, и, видимо, гораздо более значимым «источником» «общинного социализма» стали для Герцена славянофилы. Известный советский историк, крупнейший специалист по славянофильству С.С. Дмитриев в не публиковавшейся при его жизни и потому достаточно свободно, без оглядки на цензуру написанной статье, специально посвященной этой теме, блестяще раскрыл пути и последствия воздействия славянофилов на Герцена. По убедительно аргументированному мнению Дмитриева, наиболее характерные для «русского социализма» идеи и их аранжировки сложились у Герцена еще до революции 1848 г., а отчасти и до эмиграции. В их числе — глубокий скептицизм по поводу способности Европы к социалистическому перерождению, надежды, возлагаемые в этом смысле на славян, и особенно — на сохранившийся у них «общинный дух». Ключевую роль в восприятии этих идей, по мнению историка, сыграло общение Герцена с Ю.Ф. Самаринным в 1843-1844 гг. Не принимая *всей системы* славянофильских взглядов, указывает Дмитриев, Герцен «сознательно и бессознательно усвоил из нее очень многое», причем прежде всего именно «элементы утопического социализма», легко различимые в раннем славянофильстве⁴³.

41 Каким образом дискуссии западников и славянофилов могли повлиять на правительственный курс в русской деревне? Ясно, что далеко не самым прямым образом. Не говоря уже о Герцене, чуть более «респектабельные» с точки зрения лояльности к власти, славянофилы находились под большим подозрением в «верхах», а поначалу не пользовались ощутимым кредитом доверия и в обществе, особенно петербургском. И в этом смысле в 1840-х гг. влияние на Петербург Гакстгаузена было несравненно большим. Однако с началом «оттепели» в 1856 г. именно славянофилы стали, несмотря на свою немногочисленность, одним из наиболее влиятельных и в Москве, и в Петербурге кружков.

42 Тематика, связанная с крестьянской общиной, была в славянофильском кружке «коньком» прежде всего А.С. Хомякова, который развивал на ее основе стройную

(и потому, конечно, не менее мифологизированную, чем у Гакстгаузена) концепцию русской истории как истории антииндивидуалистической, союзно-соборной. Мир, считал Хомяков, поддерживает в крестьянине «чувство свободы, сознание его нравственного достоинства и все высокие побуждения, от которых мы ожидаем его возрождения. Можно бы написать легенду на следующую тему: Русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить⁴⁴». Блестящий полемист и «человек идеи», Хомяков как бы олицетворял собой в кружке «теоретическое» начало и не склонен был погружаться в «технические» вопросы, связанные с взаимоотношениями крестьян, помещиков и государства. Его немногочисленные статьи на подобные темы были достаточно поверхностны еще и по цензурным соображениям⁴⁵.

43 Гораздо ближе к практической стороне «крестьянского вопроса» оказался более молодой и динамичный член кружка, Ю.Ф. Самарин — человек, которому суждено было стать одним из основных авторов реформы 1861 г. Еще в пору подготовки магистерской диссертации в Московском университете большое влияние оказали на него в 1840-х гг. труды Франсуа Гизо о европейском феодализме, а также знакомство с первой книгой Лоренца Штейна «Социализм и коммунизм в современной Франции», в которой знаменитый впоследствии немецкий ученый писал о социальной политике как основной задаче современного государства. В 1845 г. Самарин по настоянию отца отправляется служить в Петербург, где окунается в мир салонов и знакомится с представителями молодого поколения столичной бюрократии — Н.А. Милютиным, И.П. Арапетовым, кн. А.Д. Оболенским. Уже в это время он показал себя ярким сторонником отмены феодальных привилегий и установления равноправия различных сословий перед лицом государственной власти. Подчинение ей всех частных (местных, сословных) интересов Самарин считал условием самого существования «государственного союза». Не завоевание и доминирование, породившие современный западный индивидуализм, а союзный характер, единство общества и защита общих интересов государством (верховой властью) отличали Россию. Характерно, что это устройство Самарин сближал с идеалом социальной справедливости, столь актуальным для современной ему Европы⁴⁶. Стоит заметить, что в этом он оказался очень близок к настроениям, популярным в среде петербургской «либеральной бюрократии»⁴⁷.

44 Примерно в это же время Самарин впервые формулирует свой ставший позже знаменитым взгляд на сущность крестьянского права на землю у славянских народов. Рассматривая крепостное право не юридически, а исторически, он приходил к выводу, что права помещика, делегированные тому государством, не вытесняли крестьянского права на землю, а лишь надстраивались над ним. Отсюда — одновременное существование двух в равной степени «священных» прав: помещиков на собственность и крестьян — на пользование землей. Соответственно, в основе «законного порядка, вытекающего из условий нашего исторического развития», лежит «понятие о нераздельности земледельца с землею, понятие, совершенно чуждое Западной Европе⁴⁸». Этот подход, получивший четкое выражение во вложенной в уста гипотетических крестьян формуле «Мы ваши, а земля наша», был высоко оценен Хомяковым. По формулировке последнего,

в более абсолютном смысле... право собственности истинной и безусловной не существует: оно пребывает в самом государстве (великой общине), какая бы ни была его форма... Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях⁴⁹.

45 Таким образом, для всех основных создателей парадигмы, которую можно условно обозначить как «крестьянская община – палладиум русскости», сама община играла роль скорее символа, чем реального института. Говоря об общине, все они исходили из априорных представлений и целенаправленно искали в идеальной общине ответов на гораздо более общие вопросы. Неудивительно, что и для Гакстгаузена, и для Герцена, и для Самарина с Хомяковым «мир» символизировал примерно одно и то же: принципиальное отличие «цельной» России от «расколотов» Западной Европы. Для Германии поиск *Sonderweg* был к середине века совсем не нов и развивался он в привычной уже плоскости противопоставления франко-романскому миру. В России же

вроде бы получалось, что социальная география русского «особого пути» не покрывала даже славянской или православной части Российской империи, поскольку Малороссия и Западный край (Украина и Белоруссия), не говоря уже о Польше, не знали передельной общины.

46 Было бы ошибкой преувеличивать по отношению к 1840-1850-м и даже к 1860-м годам влияние и широту распространения нового взгляда на крестьянство, адепты которого с помощью общины неразрывно связывали крестьянина с землей и строили на этом фундаменте концепцию российской уникальности. Лишь много позже, в 1880-х гг. этот подход действительно воцарился и в официальной, и в общественной среде. Именно в то время была прямо и недвусмысленно сформулирована и «миссия» общины: в ней как в своеобразном заповеднике или резервации должен был сохраняться уникальный патриархальный быт русского народа⁵⁰.

47 Сама община стала восприниматься при этом лишь как оболочка, некий «контейнер», содержащий «живые исторические традиции» — коллективизм, чуждость духу наживы, руссоистскую естественность и простоту крестьян (консерваторы добавляли в этот список их «природный монархизм», а радикалы — столь же «природный» эгалитаризм). Она была не столько обязательным, сколько привычным элементом «крестьянского мифа». Не случайно уже в 1880-1890-х гг. в обществе и правительстве всё громче звучали голоса, что община мутировала, перестала быть патриархальной, и поэтому нужно заменять её новым, более соответствующим условиям времени институтом (например, неотчуждаемой и неделимой семейной собственностью)⁵¹. Отсюда уже не так далеко было до столыпинской реформы.

48 Однако вплоть до середины 1870-х гг. ситуация была принципиально иной: и в «верхах», и в публицистике не менее влиятельным было прежнее, либерально-рационалистическое восприятие крестьянина. Романтический же взгляд на него формировался и укоренялся в общественном сознании достаточно медленно. Кроме того, принципиально важно подчеркнуть, что, как и в Германии, он с самого начала оказался в России тесно связан с логикой перемен и реформ. Неудивительно, что сторонников этого взгляда менее всего устраивало положение, сложившееся в отношениях помещиков, государства и крестьян. На этой почве они неизбежно должны были обратиться к идее правительственного регулирования и искать союзников и единомышленников в среде бюрократии. В свою очередь, молодое поколение «либеральных бюрократов», столь чуткое к новейшим тенденциям в европейской науке, оказалось прекрасно подготовленным к восприятию отдельных элементов романтического взгляда. Возникший из этой комбинации гибрид историзма и эмпирического знания, стратегий «естественного развития» и контроля не только не был мертворожденным — он стал доминирующим в идеологии Великих реформ следующего царствования и определил основные их черты, сильные и слабые стороны.

Notes

1 J. Shovlin, *The Political Economy of Virtue: Luxury, Patriotism, and the Origins of the French Revolution*, Ithaca and London, Cornell University Press, 2006, p. 51-56, 72-78, 82-92; A.S. Wyngaard, *From Savage to Citizen: The Invention of the Peasant in the French Enlightenment*, Newark, University of Delaware Press, 2004.

2 A.S. Wyngaard, *op. cit.*, p. 13.

3 *Ibid.*, p. 33.

4 A. Low, *The Georgic Revolution*, Princeton, Princeton University Press, 1985; A. McRae, *God Speed the Plough: The Representation of Agrarian England, 1500–1600*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996.

5 T. Ellingson, *The Myth of the Noble Savage*, Berkeley, University of California Press, 2001.

6 J.G. Gagliardo, *From Pariah to Patriot: The Changing Image of the German Peasant, 1770–1840*, Lexington, University Press of Kentucky, 1969, p. 210.

7 См.: A. Hartlieb von Wallthor, *Der Freiherr vom Stein und Russland*, Köln, Grote, 1992; Земскова Е.В. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта // Русская антропологическая школа. Труды. М.: Издательство РГГУ, 2004, с. 89-98.

- 8 J.G. Gagliardo, *op. cit.*, p. 56.
- 9 См.: Каменский А.Б., «Крещеная собственность» в законодательстве XVIII в.// Представления о собственности в российском обществе XV-XVIII вв. М.: Институт российской истории РАН, 1998, с. 150-192.
- 10 Керимов А.Э., Докуда топор и соха ходили. Очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX вв. М.: Наука, 2007, с. 218.
- 11 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVII. Спб.: Типография II Отделения с.е.и.в.к., 1830, № 20625, Ч. 2, Ст. 5.
- 12 J.G. Gagliardo, *op. cit.*, p. 115-116.
- 13 См.: Святловский В.В., История экономических идей в России, с. 99-107; Козлов С.А., Аграрные традиции и новации в дореформенной России: Центрально-нечерноземные губернии. М.: РОССПЭН, 2002.
- 14 Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Спб.: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861, с. 191; Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805-1905. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008, с. 47-82.
- 15 D.F. Lindenfeld, *The Practical Imagination: The German Sciences of State in the Nineteenth Century*, Chicago, University of Chicago Press, 1997, p. 121. См. также: K. Tribe, *Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse, 1750-1840*, Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
- 16 Цит. по: Цвайнерт Й. Указ. соч., с. 167.
- 17 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, фонд 637 (К.Г. Репинского), опись 1, дело 776, листы 8 об., 10 об.
- 18 M. Raeff, *Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772-1839*, 2nd ed., The Hague, Mouton, 1969, p. 365.
- 19 Цит. по: Горб-Ромашкевич Ф.К. Поземельный кадастр. Ч. 1. Варшава Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1892, с. 15-16.
- 20 См., например, доклад вице-директора 3-го департамента Министерства государственных имуществ Н.А. Жеребцова: Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 398 (Департамента земледелия Министерства государственных имуществ), оп. 9, д. 2765а, л. 59, а также: РГИА, фонд 940 (А.П. Заблоцкого-Десятовского), оп. 1, д. 16, л. 1-4.
- 21 РГИА, фонд 398, оп. 9, д. 2765б. См. также: J. Pallot, *Agricultural 'Culture Islands' in the Eastern Steppe: The Mennonites in Samara Province* // J. Pallot and D.J.B. Shaw, *Landscape and settlement in Romanov Russia*, Oxford, Oxford University Press, 1990, p. 79-111.
- 22 S.F. Starr, Introduction // A. Haxtgausen, *Studies of the Interior of Russia*, ed. by S.F. Starr, Chicago, University of Chicago Press, 1972, p. XXIII.
- 23 См.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001, с. 337-374.
- 24 Живов В.М. «Двуглавый орел в диалоге с литературой», *Новый мир*, 2002, № 2.
- 25 Миллер А.И., «“Народность” и “нация” в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий», *Российская история*, 2009, № 1.
- 26 Герцен А.И., Собрание сочинений в 30 т. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954, с. 281-282.
- 27 S.F. Starr, Introduction, p. XXX. См. также: Дружинин Н.М., «А. Гакстгаузен и русские революционные демократы», *История СССР*, 1969. № 3; Потапенко О.А., «Гакстгаузен о России», *Россия и Запад: диалог культур*, М.: Издательство МГУ, 1994.
- 28 А. Haxtgausen, *Studies of the Interior of Russia*, p. 276-285 (цитируемая глава опубликована в 3 томе оригинала).
- 29 T. Dennison and A.W. Carus, «The invention of the Russian rural commune: Haxtgausen and the evidence», *Historical Journal*, 2003, vol. 46 (3), p. 561-82.
- 30 А. Haxtgausen, *Studies of the Interior of Russia*, p. 172-173.
- 31 *Ibid.*, p. 292.
- 32 Цит. по: Морозов П.О. Барон Август фон Гакстгаузен и его сочинение о России // Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. Вып. 1. Спб.: Типография Министерства государственных имуществ, с. 192-193.
- 33 Дружинин Н.М. А. Гакстгаузен и русские революционные демократы...
- 34 См. подробнее: С. Goerke, *Die Theorien über Entstehung und Entwicklung des „Mir“*, Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1964, S. 32-72.

- 35 См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли, Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М.: Международный университет в Москве, 2007, с. 324-336.
- 36 См.: С. Goerke, *op. cit.*, S. 14-28.
- 37 А. Walicki, *The slavophile controversy: history of a conservative utopia in nineteenth-century Russian thought*, Oxford, Oxford university press, 1975, p. 580.
- 38 Герцен А.И., Собрание сочинений в 30 т. Т. 2, с. 288.
- 39 См. М. Малиа, Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812-1855. М.: Территория будущего, 2010, с. 419-422, 528-554; Пирумова Н.М. «Русский социализм» А.И. Герцена», Революционеры и либералы России. М.: Наука, 1990, с. 114-140.
- 40 Герцен А.И., Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956, с. 168.
- 41 Там же, с. 260.
- 42 Прямой диалог с Гакстаузенем содержится в статье Герцена «Россия» (1849) — первой его попытке дать европейским читателям понятие о родной стране; много ссылок и скрытых аллюзий на книгу барона также в работах «О развитии революционных идей в России» (1850) и «Русский народ и социализм» (известна также как «Письмо к Мишле») (1851). Примечательно, что все эти статьи написаны автором по-французски (См.: Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 6-7. М., 1956).
- 43 Статья Дмитриева была опубликована Е.Л. Рудницкой: Дмитриев С.С. К вопросу о происхождении «русского социализма» А.И. Герцена (Герцен и славянофильство), Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 г. М.: Эдиториал УРСС, 1999, с. 227-265.
- 44 Цит. по: Самарин Ю.Ф., «Хомяков и крестьянский вопрос», Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1877, с. 246-247.
- 45 Хомяков А.С., Собрание сочинений. Т. 1. М.: Типография П. Бахметева, 1861, с. 385-387, 397-399.
- 46 Самарин Ю.Ф., Сочинения. Т. 1, с. 40-65.
- 47 Заблочкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882, Т. 4, с. 344.
- 48 Там же. Т. 2. М., 1878, с. 15.
- 49 Цит. по: Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М.: Алгоритм-Эксмо, 2003, с. 61.
- 50 Христофоров И.А., Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-1890-е гг.). М.: Собрание, 2011, с. 226-273, 292-323.
- 51 Там же, с. 304.

Pour citer cet article

Référence électronique

Igor Khristoforov, « «Мелкий собственник» — опора порядка? Освобождение крестьян, либеральная доктрина и социальный вопрос в России в первой половине XIX века », *ILCEA* [En ligne], 17 | 2013, mis en ligne le 31 janvier 2013, consulté le 30 novembre 2013. URL : <http://ilcea.revues.org/1782>

À propos de l'auteur

Igor Khristoforov

Institut d'Histoire russe, Académie des Sciences, Moscou

Droits d'auteur

© ILCEA

Résumés

В обширной историографии «крестьянского вопроса» не относятся достаточно внимательно к одному из основных его аспектов: как себе представляла элита идеал крестьянина на воле. Чем мог стать бывший крепостной: земледельцем на разумном рынке или хранителем исторических ценностей и традиций или мелким помещиком, опорой против революционных идей? Какие понятия и стереотипы влияли на это представление? В этой статье рассматривается влияние разных идеологических доктрин на понятие об «особом пути для России», от крепостного права к современному миру. Существуют две точки зрения об *homo rusticus* характерном для Восточной Европе и дореформенной России. Первая видит разумного крестьянина, подчинившегося экономическим, природным и универсальным законам; другая, романтическая, опирается на патриархальность и древние культурные «корни». Противоречивая смесь этих представлений породила много мифов и символов при эмансипации крестьян.

Le « petit propriétaire », fondement de l'ordre social ? L'émancipation des paysans, la doctrine libérale et la solution sociale en Russie dans la première moitié du XIXe siècle

Dans la vaste littérature sur la « question paysanne », l'un de ses aspects essentiels reste négligé : comment l'élite imaginait le paysan libéré idéal. Que pouvait devenir un ancien serf : un producteur dans un marché rationnel, un conservateur de valeurs et traditions historiques, ou un petit propriétaire résistant aux idées révolutionnaires ? Quelles notions et stéréotypes influençaient cette vision ? Cet article examine l'impact des diverses doctrines idéologiques sur le concept de la « voie spécifique de la Russie », du servage à la modernité. Il existe deux points de vue différents sur l'*homo rusticus* propre à l'Europe orientale et à la Russie d'avant la réforme. Le premier voit un paysan rationnel, assujéti à toutes les lois économiques, naturelles et universelles ; l'autre, romantique, s'appuie sur sa simplicité patriarcale et les anciennes « racines » culturelles. La combinaison contradictoire de ces visions a généré bien des mythes et symboles dans l'émancipation paysanne.

Is “the small landowner” responsible for order? The emancipation of peasants, liberal doctrine and the social problem in Russia in the first half of the 19th century

In the huge literature on the “peasant issue” one of its important aspects still remains unstudied —the elite’s vision of the ideal liberated peasant. Whom a former serf was expected to become: a rationalized market producer, a bearer of historical values and traditions, or a small proprietor resistant to revolutionary ideas? What notions and stereotypes influenced this vision? The article examines the impact of various ideological doctrines on the concept of “special Russian way” from serfdom to modernity. There existed two different ways of looking at *homo rusticus* originated from Western Europe and very common for pre-reform Russia. The first regarded peasant as a rational individual, subject to all natural and universal economic laws while the second, romantic one, stressed its patriarchal simplicity and the ancient cultural “roots”. It was a contradictory combination of these visions that generated many myths and symbols of peasant emancipation.

Entrées d'index

Mots-clés : commune, laissez-faire, paysannerie, romantisme, servage

Keywords : let things go their own way, peasant corporation, peasantry, romanticism, serfdom

Ключевые слова : laissez-faire, крепостное право, крестьянство, община, романтизм